

«ПРОИЗОШЛА ТРАНСФОРМАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ К КИТАЮ»

ГАЗПРОМБАНК ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЫМ ФИНАНСОВЫМ УЧАСТНИКОМ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА. БАНК СОТРУДНИЧАЕТ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ БАНКОМ РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КОМПАНИЕЙ ПО СТРАХОВАНИЮ ЭКСПОРТНЫХ КРЕДИТОВ SINOSURE. ПЕРВЫЙ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ И ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ ГАЗПРОМБАНКА ЕКАТЕРИНА ТРОФИМОВА РАССКАЗАЛА КОРРЕСПОНДЕНТУ GUIDE СТАНИСЛАВУ КУВАЛДИНУ О ТОМ, ЧТО ИНТЕРЕСУЕТ КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС В РОССИИ И МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ ОБ «АЗИАТСКОМ РАЗВОРОТЕ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.

GUIDE: Есть ли, по вашему мнению, особенности работы по привлечению инвестиций из Китая, отличающие ее от работы с инвесторами из других стран. Имеется ли у китайских структур свой почерк — особенные условия и предпочтения? **ЕКАТЕРИНА ТРОФИМОВА:** Конечно, бизнес-культуры стран разнятся: от элементарных правил этикета до фундаментальных ценностных различий: индивидуализм-коллективизм, иерархия в обществе и т. п. За китайскими партнерами у нас закрепилось клише «трудные переговорщики», для которых очень важны ценности социальной иерархии и личных связей. Безусловно, учет национальных особенностей облегчает переговорный процесс, но все-таки надо признать, что в основе любой сделки лежит желание сторон получить максимальную выгоду и путь к успеху в любых переговорах лежит через предоставление партнеру взаимовыгодных условий.

Г: Кто больше заинтересован друг в друге? Китай в России или Россия в Китае? Насколько можно понять, мы не являемся для Китая принципиальным рынком сбыта.

Е. Т.: Для России Китай — торговый партнер номер один: на нее приходится 11% во внешнеторговом обороте (17% импорта, 7% экспорта. — „Б“). Значение России для Китая скромнее — только десятое место (2,3% торгового оборота). С учетом этих цифр вряд ли можно назвать Россию принципиальным рынком сбыта для китайских товаров и значение Китая для России выше. Однако настрой обеих сторон на то, чтобы качественно заинтересовать друг друга в рамках текущих и планируемых проектов, соглашений и договоренностей, очень высока.

Г: Имеются ли у китайского бизнеса особые приоритеты для инвестирования в какие-то конкретные отрасли российской экономики? Действительно ли все главным образом сводится к интересу в области добычи и транспортировки сырья, как об этом часто принято говорить?

Е. Т.: И да, и нет. С одной стороны, сырьевые сектора — ТЭК, металлургия — доминируют в инвестициях китайских компаний в Россию. Но такая ситуация характерна не только для инвестиций Китая в Россию. Важной стратегической задачей китайских инвесторов является получение доступа к сырью и технологиям, как и в других странах мира. Так, за 2007–2013 годы 50% всех прямых иностранных инвестиций Китая в мире было направлено в ТЭК, более 20% — в металлургический сектор. Для развитых стран, обладающих значительными природными ресурсами, например Канады или США, инвестиции в сырьевые сегменты также являются ключевыми со стороны Китая. Несколько меньшая доля китайских вложений в Россию (порядка 20% за 2007–2013 годы. — „Б“) приходится на агропромышленный комплекс, далее по объемам инвестиций следует транспорт. Хотя в сфере транспорта обсуждается несколько крупных проектов с китайскими партнерами.

Г: По вашему опыту как воспринимают Россию деловые круги Китая? Является ли Россия для них прежде всего источником сырья и, может, технологий либо этот взгляд более сложный?

Е. Т.: Конечно, сложнее. Вряд ли на Россию с учетом масштаба территории и численности населения, экономиче-

ского и технического потенциала кто-то может смотреть столь однозначно. Сотрудничество Китая и России носит многосторонний характер, в том числе в культурной и социальной сфере. Это подтверждается и нашим опытом: в апреле в рамках так называемого азиатского Давоса, форума Боао (проводится на о. Хайнань. — „Б“), банк инициировал закрытую деловую встречу Россия—Китай на высоком уровне. К участию в ней с российской стороны мы пригласили в качестве сомодератора заместителя председателя правительства Аркадия Дворковича и первых лиц стратегических партнеров банка.

Обсуждение вопросов возможного партнерства затронуло не только взаимодействие в сферах энергетики и финансов, но и коснулось потенциального сотрудничества и в культурной, и в социальной областях. Кстати, Газпромбанк со своей стороны поддерживает мероприятия, направленные на удовлетворение интереса к культуре России со стороны Китая. 23 января в Пекине при финансовой и организационной поддержке Газпромбанка совместно с «СИБУР Холдингом» и CEE Holdings под эгидой Министерства культуры КНР и посольства Российской Федерации в КНР прошел некоммерческий гала-концерт «Звезды русского балета». Солисты Большого театра, Мариинского театра, Михайловского театра, Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко были с особой теплотой приняты публикой.

Г: Какую динамику по привлечению инвестиций в Китай можно отметить за последние годы? Какие факторы на нее влияют?

Е. Т.: Доля России в общих накопленных иностранных инвестициях Китая постоянно растет, хотя и составляет пока скромные 2,6%. Конечно, ключевым фактором является общая стратегия Китая по увеличению прямых иностранных инвестиций. Начиная с 2004–2005 годов в результате серьезной либерализации трансграничной деятельности в рамках стратегии Going out китайские компании стали стремительно увеличивать свою долю в акционерном капитале компаний в развитых и развивающихся странах. За семь лет Китай вошел в пятерку стран по потокам исходящих прямых инвестиций. Несмотря на это, их запас по отношению к ВВП составляет всего 5%, что ниже среднего по миру (33%) и странам с переходной экономикой (13%). На данный момент прямые инвестиции не являются доминирующим активом в международной инвестиционной позиции Китая. Они впервые превысили по объему портфельные вложения в 2009 году и растут существенно быстрее их, а также займов и торговых кредитов. Важный фактор, обусловивший увеличение значения России для китайских инвесторов, — это активизация работы российской стороны. После кризиса 2008–2009 годов внимание российского бизнеса к быстрорастущему азиатскому рынку резко увеличилось. Это ощутимо даже по росту интереса к изучению китайского языка у российского менеджмента.

Г: К каким регионам России проявляют интерес китайские инвесторы? Насколько серьезную роль тут играет географическая близость? Какие еще имеются приоритеты?

Е. Т.: Если посмотреть на структуру накопленных китайских инвестиций, то пока влияние фактора географической близости не так заметно, скорее замечен интерес к стратегическим активам. Например, крупнейшие сделки в электроэнергетике — это и Сибирь с «Евросибэнерго», и Центральная Россия с ТГК-2.

Г: В ближайшее время может быть подписано принципиальное соглашение с Китаем о строительстве трубопровода и поставках газа. Какие последствия это соглашение будет нести для сотрудничества России и Китая?

Е. Т.: Данное соглашение имеет ряд положительных эффектов для обеих сторон. Во-первых, диверсификация поставок, которая важна и поставщику, и потребителю. Для России диверсификация экспортных поставок газа является одним из приоритетов энергетической политики, в том числе для достижения данных целей в прошлом году было принято решение о либерализации экспорта СПГ, и, к слову, в российских проектах СПГ китайские партнеры уже принимают участие. Это отнюдь не означает уход с европейского рынка газа, который остается для России приоритетным, и для увеличения поставок на который также ведется расширение трубопроводной инфраструктуры. У Китая в стадии реализации или переговоров также находится ряд проектов по импорту газа не только из России, но и из стран Средней Азии, Юго-Восточной Азии, строительству терминалов СПГ. В последние годы Китай столкнулся с серьезными экологическими проблемами из-за доминирования «грязной» угольной энергетики. Увеличение доли выработки электроэнергии не на угле стало важной стратегической задачей энергетической политики Китая, а наращивание импорта газа — одной из ее составляющих.

Г: Насколько перспективны разговоры о «развороте» России, в том числе экономически, в сторону Азии? Сможет ли Китай стать нашим основным торговым партнером и должен ли он таковым становиться?

Е. Т.: Трансформация в отношении к Китаю действительно произошла — с точки зрения масштабов экономики нашего соседа и потенциалов дальнейшего роста. Но говорить о развороте пока рано. На европейские страны приходится половина внешнеторгового оборота, и в долгосрочной перспективе мы ожидаем сохранения роли европейских государств. Но при этом, безусловно, с учетом текущих трендов доля Китая будет увеличиваться во внешнеторговом обороте России.

Говоря о перспективах партнерства с Китаем, следует помнить, что эта страна является второй экономикой мира с ВВП \$9,2 трлн (12,4% от мирового ВВП), даже учитывая замедление роста в последние два года экономика росла на 7,7% в год. В ближайшие несколько лет темпы роста китайской экономики ожидаются на уровне не ниже 6–7% ежегодно. Такая динамика предполагает рост импорта энергоресурсов, так как Китай является крупнейшим мировым потребителем энергии, но, как я уже говорила, более двух третей всего его энергопотребления обеспечивается углем, а нефть и газ обеспечивают только пятую часть всего энергопотребления (в мире на нефть и газ приходится

почти 60% всего потребления энергии. — „Б“). Энергобаланс экономики постепенно будет меняться, что должно обеспечить рост спроса на нефть и газ в долгосрочной перспективе. Постепенный переход китайской экономики от инвестиционной модели к потребительской делает рынок страны привлекательным для любого экспортера.

При этом китайская экономика обладает высокой платежеспособностью, сальдо торгового баланса остается положительным и обеспечивает устойчивый приток валюты в страну. Золотовалютные резервы Китая достигли \$3,95 трлн, что вдвое превышает годовой импорт страны — это обеспечивает крайне высокий уровень платежеспособности на фоне достаточно низких внешних обязательств. Для России Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером с товарооборотом \$88,8 млрд, причем сальдо торговли для нас остается отрицательным, то есть Россия больше импортирует из Китая чем экспортирует в эту страну. Такая ситуация благоприятна для дальнейшего наращивания экспорта товаров основных отраслей российской промышленности, в первую очередь добывающих. Это позволит диверсифицировать экспорт в долгосрочной перспективе и снизить зависимость от экспорта в европейский регион. Кроме того, значимость Китая в мировой экономике и мировой торговле позволяет китайскому юаню стать одной из ведущих мировых валют, что позволит диверсифицировать финансовые потоки. Постепенный переход Китая к более открытой финансовой системе и плавающему курсу валют, а также рост рынка услуг в Китае создает хорошие перспективы сотрудничества и в финансовой сфере.

Г: Есть ли какие-то границы для сотрудничества с Китаем? Не может ли оно в каком-то случае перерасти в нежелательную зависимость от соседней страны?

Е. Т.: Среди товарных позиций с высоким доминированием больше всего впечатляет доля Китая на российском рынке легкой промышленности — более 50%. Но вряд ли это, несмотря на высокую долю, можно назвать зависимостью России от Китая — рынок потребительских товаров высококонкурентен. Зависимость наступает при доминировании на рынках сырья, комплектующих, и пока здесь для обеих сторон зависимость не наблюдается.

Г: В чем привлекательность азиатских рынков капитала для российских компаний?

Е. Т.: В последние годы азиатские рынки капитала демонстрируют стремительный рост. Так, к примеру, капитализация китайского рынка акций (включая Гонконг) за последние десять лет выросла в 4,7 раза, до \$6,6 трлн, объем глобального рынка облигаций в офшорных юанях за последние три года — в 7,8 раза, до \$120,5 млрд. Долгое время считалось, что азиатский рынок закрыт для иностранных эмитентов, однако в последние годы размещений с их стороны все больше — прежде всего со стороны компаний, имеющих бизнес в регионе.

Российские компании в настоящее время также заключают крупные стратегические контракты с китайскими контрагентами. Например, соглашение о поставках нефти в Китай между «Роснефтью» и CNPC. Как следствие, рос-

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА